

УДК 811, 82.06

Особенности передачи
на английском языке
концептосферы повести
М. А. Булгакова «Собачье
сердце»

Е. А. Федорова, Е. С. Янина

Ярославский государственный университет
им. П. Г. Демидова

E-mail: sole11@yandex.ru, sssemechka@yandex.ru

Научная статья

В статье поднимается проблема необходимости концептного анализа художественного произведения как предпереводческого. В типологический ряд данного исследования для рассмотрения объективации концептосферы повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» вошли англоязычные британские переводы данного произведения, выполненные М. Glenny (1968), А. Sokolov-Pyman (1990), А. Bromfield (2007). При анализе данных переводов некоторые исследователи отметили важность культурологического комментария к этому произведению, однако при этом не осуществлялся анализ трансформации концептосферы при передаче ее на английский язык. В результате осуществленного концептного анализа произведения были обозначены текстовые доминанты: концепты «порядок» – «разруха» (связанные с внешним конфликтом повести) и концепт «творец» (реализующийся во внутреннем конфликте профессора Преображенского). Концептный анализ повести и ее адаптаций на английский язык показал, что социально-политическая проблематика передана во всех исследованных переводах верно (с некоторыми частными искажениями), тогда как философская и духовно-нравственная проблематика повести значительно искажена или не явлена в переводах.

Ключевые слова: М. А. Булгаков; «Собачье сердце»; концептосфера; концептный анализ; предпереводческий анализ

English rendering aspects
of M. A. Bulgakov's "A dog's heart"
conceptosphere

E. A. Fyodorova, E. S. Yanina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Scientific article

The article brings up fiction translation concern. It is stated that the conceptual analysis is an essential part of the pre-translation text analysis. The novelette "A Dog's Heart" by M.A. Bulgakov was exposed to concept analysis, its conceptosphere was defied. The exteriorization of it was investigated on the basis of the works of Great Britain translators: M. Glenny (1968), A. Sokolov-Pyman (1990), A. Bromfield (2007). On analyzing these translations some searchers mind the essential importance of the culturological commentary. Nevertheless they do not pay considerable attention to the analysis of the conceptosphere, which undergoes a significant transformation while English rendering. The article dwells on the concept analysis of the novelette and shows a conceptual model of the text with the dominating concepts: "order" – "disruption" (dealing with the superficial conflict of the novelette) and "creator" (dealing with the inner personal conflict of P.P. Preobrazhensky). The comparison of the original conceptosphere to the rendered ones showed that the social and political problematics of the novelette is rendered properly, whereas the philosophical issues are either not given in the translations or distorted significantly.

Keywords: M. A. Bulgakov; "A Dog's Heart"; conceptosphere; concept analysis; pre-translation analysis

Перевод в современном мире имеет особое значение, поскольку он рассматривается как вид межкультурной коммуникации, как «языковое посредничество, при котором содержание иноязычного текста (оригинала) передается на другой язык путем создания на

Для цитирования: Федорова Е. А., Янина Е. С. Особенности передачи на английском языке концептосферы повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Том 4, № 3. С. 199–205.

For citation: Fyodorova E. A., Yanina E. S. English rendering aspects of M. A. Bulgakov's "A dog's heart" conceptosphere. *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2018; 2 (4): 199–205. (in Russ.)

этом языке информационно и коммуникативно равноценного текста» [1, с. 7]. Одно из наиболее общих свойств переводческого дискурса – организация его вокруг концепта [2, с. 130]. Концепт мы понимаем как трехчастную ментальную структуру, характеризующуюся образными, понятийными и ценностными признаками [3], литературный концепт – как «ментальное образование сознания писателя, реализующее смысловое значение в семантико-ассоциативном контексте литературного произведения» [4, с. 52]. Литературный концепт, таким образом, является единицей предпереводческого анализа художественного текста, средством максимального обобщения содержания произведения и проводником философско-эстетической концепции автора.

Литературные концепты в художественном тексте находятся в системных отношениях и образуют концептосферу произведения. Часть концептосферы сосредоточена вокруг доминантного концепта и образует, по мнению В. А. Ефремова, иерархически организованное концептуальное пространство (КП) [5]. Так, КП «творец» включает концепты «Бог», «человек».

Перед переводом литературного произведения на иностранный язык необходимо осуществить концептный анализ, который, по мнению Л. А. Грузберг, в отличие от концептуального анализа, имеет одно значение и включает в себя компонентный анализ [6]. По мнению И. Г. Мальцевой, адекватность художественного перевода зависит от степени эквивалентности объективации художественных концептов, выраженных в многообразии уникальных поэтических образов и авторском идиостиле [7]. Важно при этом не отклоняться от ядра переводческого комментария [8] и помнить основы теории перевода [9]. По мнению Т. И. Васильевой [4], при описании литературного концепта необходимо пользоваться следующим алгоритмом: первым шагом является определение репрезентанта, которое носит интуитивный характер. Мы считаем, что при анализе литературного текста необходимо отталкиваться от концептуализируемого фрагмента действительности, поэтому дополняем алгоритм операцией определения конфликта и «конфликтующих» концептов.

На наш взгляд, в повести Булгакова «Собачье сердце» наличествуют два конфликта: внешний и внутренний по отношению к протагонисту-Преображенскому. Внешний конфликт – это противодействие традиционной и революционной культур, выразившееся существовании оппозиционных концептов «порядок» – «разруха» [10]. Внутренний конфликт связан с концептуальным пространством «творец» [11].

Концепты «порядок» – «разруха» являются членами бинарной оппозиции в концептосфере повести и посредством обмена концептными признаками отображают процесс развития как таковой. При этом происходит отрицание одного «порядка» другим. Так, для представителя традиционной культуры (Преображенский, Борменталь) «порядок» предполагает иерархичность социальных отношений (господин), воздействие на другого человека с помощью слова, а не насилия. Для представителей революционной культуры (Швондер, домком) «порядок» – это нивелирование («уравниловка») в социальных и гендерных отношениях (товарищ), при воздействии используется насилие (террор). Однако по ходу развития конфликта концепты меняются образными и понятийными признаками: в квартире Преображенского (пространство «порядка») наступает «разруха», он изменяет принцип воздействия внушением и применяет насилие по отношению к Шарикову. Концепт «разруха», в свою очередь, принимает признаки концепта «порядок»: «товарищи» в повести оказываются иерархически организованы, им достается часть господского имущества (в виде «шестнадцати аршин» «роскошной квартирки»), методы террора заменяются методами внушения (см. сцена выдачи Шарикову «свидетельства о рождении»). Итак, между концептами «порядок» – «разруха» обнаруживается системный обмен признаками в пределах КП.

Концепт «творец» включает Бога и писателя, автора в художественном тексте, Бога и человека-творца в художественном мире. Организовано вокруг концепта «творец» КП находится иерархически выше КП «порядок» – «разруха»: в тексте повести именно Бог-творец является скрытой движущей силой повести, «законом», в соответствии с которым происходит вышеописанное взаимодействие членов оппозиции (взаимопроникновение «порядка» и «разрухи» как эволюционных и революционных движений в развитии мира).

В КП «порядок» наряду с одноименным смысловым концептом были выделены концепты «господин» и «внушение». В КП «разруха» – аналогично – концепты «товарищ» и «террор». Анализ функционирования выделенных концептов показал, что происходит систематическое перетекание образных и понятийных признаков с одного полюса оппозиции на другой. На этом основании мы сделали вывод о том, что «порядок» – «разруха» – это диалектическая модель мироустройства, функционирующая в художественном мире повести. Диалектика эта носит не стихийный, но управляемый характер, что выражается иерархическом подчинении бинарной оппозиции концепту «творец».

Существование концепта «творец» в КП повести связано с наличием внутреннего конфликта – проблемы свободы и границ человеческого творчества. КП «творец» включает концепты «Бог-творец» и «человек-творец». Данные концепты не встают в бинарную оппозицию, поскольку являются не равноправными, но включающими друг друга. Для реализации концепта «человек-творец» важно изменение профессора Преображенского: его путь от «мага-чародея-волшебника-кудесника» через «божество», «жреца» и кумира до «упорного человека». Для реализации концепта «Бог-Творец» важен религиозный метатекст повести, заключающийся в языческо-христианском синкретизме образа Преображенского, а также в хронотопе «Рождество-Крещение-Пасха», травестировании евангельских мотивов, обряда крещения и в интертекстуальной связи «Собачьего сердца» и «Фауста» Гете. Функционирование концептов в КП «творец» показывает отступление человека от Божьей воли, последствия апокалиптического характера и возвращение человека к Богу. Здесь реализуется мысль Булгакова о возможности человеческого творчества только в границах Божественного Провидения.

Наше внимание привлекли наиболее удачные переводы повести «Собачье сердце», которые были осуществлены британскими переводчиками М. Гленни, А. Пайман-Соколовой, Э. Бромфилдом.

В результате анализа переводов повести «Собачье сердце» мы обнаружили две инвариантные линии перевода: социально-политическую и духовно-нравственную. При первичном сопоставлении оригинала и переводов мы не обнаружили искажений, нарушающих прагматику текста. Сопоставительный анализ ключевых фрагментов, в которых фигурируют репрезентанты концептов, показал, что основная сложность для переводчиков состояла в «прочтении» и передаче художественных деталей, а главное, в адекватном переводе репрезентанта концепта. Наиболее успешно объективированы КП «порядок» – «разруха».

Перевод выделенных репрезентантов удался наилучшим образом в тех случаях, где переводчики прибегали к интенсификации, модуляции и комментированию, обозначая тем самым значимые узлы нарратива. Например, репрезентант «террор» имеет в английском языке аналог, который несколько десемантизирован. Здесь выгодно отличается комментированный перевод Э. Бромфилда [7], объясняющий сущность «красного, белого или даже коричневого» террора в послереволюционной России. Примером удачной интенсификации служит перевод А. Пайман [8] репрезентанта «разруха». Булгаковская «старуха клюкой» обретает имя собственное “the Disruption”, в котором определенный артикль указывает на уникальность явления.

При переводе деталей важно было сохранение преемственности, т. е. последовательное использование одних и тех же лексических средств для перевода одной и той же детали на протяжении всего произведения. Так, например, мотив кожаной куртки как показатель ассимиляции персонажа с террором новой власти был прочитан во всех исследуемых переводах и последовательно переведен (“leather jacket”, “leather tunic”, “double-breasted leather jacket”).

А мотив «разъяснения» как маркер жестокости не был прочитан ни одним переводчиком, в то время как именно этот мотив является лексически выраженной точкой схождения конфликтующих сторон: Шарик «разъясняет сову», Вяземская – лиц, покровительствующих профессору, профессор – «загадочную функцию гипофиза». Лексема «разъяснить» в каждом конкретном случае переведена семантически эквивалентно, но использование различных лексических средств переводчиками привело к устранению мотива.

КП «творец» включает концепты «человек-творец» и «Бог-Творец». Концепт Бога-творца объективируется в христианских аллюзиях и реминисценциях текста, которые даны фактуально и акционально (построение дневника Борменталья и его имя – Иван Арнольдович, хронотоп, числовая символика, действия персонажей [12]), они являются инвариантными и переданы в переводах точно. Однако некоторые культурно-специфические детали, такие как *венчальная свеча* и *шиш*¹, в силу асимметрии культурных картин мира не были адекватно переданы. Мы считаем, что религиозные аллюзии, встроенные повесть, нужно переводить с учетом англоязычной христианской традиции. Поэтому мотив «нечистой силы», вселившейся в Шарикова, переданный в целом адекватно, продуктивнее было бы передать как “unclean spirit”. То же касается репрезентанта «творец», который, исходя из англоязычного текста «Символа Веры», было бы прагматически более верно перевести как “maker”.

В целом статичный концепт Бога-творца передан эквивалентно, чего нельзя сказать об объективации динамичного концепта «человек-творец». Путь духовного роста Преображенского раскрывает философские взгляды Булгакова на место человека в мире и его предназначение. По аналогии с Фаустом Гёте, лучший из людей у Булгакова – это Божий раб, упорный, трудолюбивый человек, находящийся в состоянии вечного поиска. К сожалению, ни в одном из переводов данный концепт не объективирован последовательно, отчего эволюция персонажа не прослеживается. Например, когда Булгакову важно отступить от своего истинного предназначения, автор именуется героя *маг, чародей, чудесник, волшебник*. В семантике этих слов есть общая сема – «магия», которая обозначает явление дохристианское и христианством не принимаемое. Удивительно было обнаружить в более поздних вариантах перевода именование Преображенского на этом этапе «чудотворцем» – “wonderworker”². Такое искажение несовместимо с логикой развития персонажа. Наблюдается неэквивалентность изображения образа Преображенского, движущегося от языческого пространства через синкретический к христианскому. Все перечисленное не препятствует возникновению двупланной интерпретации (политической и философской), но обедняет текст Булгакова.

Перевод репрезентанта концепта «господин» (входящего в КП «порядок») сложен, поскольку в русском слове «господин» наличествует этимологически родственное слово «Господь». Соответственно, в одном наименовании прослеживается противопоставление «господ» «товарищам» по семе «связь с Богом». Для объективации концепта все переводчики используют слово “mister”. Лексикографический анализ показывает, что оно этимологически связано со словом “master”. Совокупная семантика слов включает семы: *связь с Богом, уважение, этикетное обращение, власть, наличие подчиненных, мастерство, образованность*. Использование данного слова в качестве репрезентанта концепта «господин», безусловно, влечет сохранение концептуального значения. Добавление, использованное А. Пайман [13] и Э. Бромфилдом [14], полезно как прием семантической интенсификации. А. Пайман создает характерную для английского языка конструкцию из однородных синонимичных дополнений, объединенных сочинительным союзом (“misters and masters”), Э. Бромфилд, используя модуляцию, способствует лучшему пониманию читателем всей драматичности классового разрыва между «господами» и «товарищами» (“misters are gents, and the gents are all in Paris”).

В передаче концепта «товарищ» (входящего в КП «разруха») сложность представляет перевод репрезентанта и нескольких художественных деталей. Английское слово “comrade” обладает сходными с русским «товарищ» значениями, а главное, оно онтологически противопоставляется слову “mister”, что в контексте повести весьма уместно. Также стоит отметить, что у слова “comrade” есть значение во внутренней форме, нехарактерное для русского аналога, – «сосед по комнате». Это значение также удачно встраивается канву произведения, показывая, как нарушается иерархия в мире «господ»: “mister”, оказавшись

¹ В русской традиционной культуре «шиш» - это нечистый дух.

² В православной традиции обычно чудотворцем называют святого Николая Мирликийского. Слово «чудотворец» противоречит авторскому замыслу показать внутреннее движение Преображенского от «мага» к деятелю, «упорному человеку».

в одном помещении с Шариком, в англоязычной культуре автоматически становится “comrade” по отношению к сожителю.

В концепте «товарищ» существует ассоциативно-образный признак «воровство, мошенничество», который проходит на сюжетном и образном уровне через все произведение. Сложность для переводчиков составил перевод фразы заведующего подотделом очистки МКХ тов. П. П. Шарикова, описывающей участь убитых кошек: «на польты пойдут». Эволюция переводов показывает, что в самом раннем из них переводчик не смог разобраться в сложных схемах махинаций, поставленных на государственном уровне. В тексте М. Гленни [15] присутствует анахронизм: советское государство цинично, как в будущем фашистское – убитых кошек перерабатывают для выделения питательного вещества (белка) для рабочих („make them into protein for the workers”). В переводе 1990 г. А. Пайман дает адекватный перевод фразы и сопровождает его культурологическим комментарием о том, что кошачий мех выдавали за беличий и продавали «на рабочий кредит» („They’ll go for coats <...> They make squirrels out of them and sell them on workers’ credit schemes”). Примечательно, что в переводе 2007 г. совмещаются обе версии: «на польты пойдут», «белок будут делать на рабочий кредит», т. е. сема «мошенничество» не передается в тексте А. Бромфильда („ They’ll go for coats <...> and they’ll make protein out of them ...”).

Уровень художественной детали также исследован переводчиками недостаточно. Образ «товарища» повсеместно сопровождается деталью кожаной куртки. Переводчики выбрали разные лексические средства для передачи детали «кожаная куртка» на английский язык: “leather tunic”, “leather jacket”, “double-breasted leather jacket”. Нам представляется важным, что переводчики сохранили преемственность между внешним видом Швондера, стоявшего в начале повести в «кожаной куртке» в кабинете профессора, и Шарикова, пришедшего в «кожаной куртке» к профессору в конце повести. Конечно, последний вариант перевода, использующий модуляцию, кажется наиболее привлекательным, поскольку службы ОГПУ носили, действительно, не любые кожаные куртки, но именно двубортные. Кроме того, Э. Бромфилд сопровождает свой выбор комментарием, в котором описывает стиль одежды чекистов и объясняет аналогию, которую Булгаков проводит между методами службы Шарикова и советских спецслужб. Сам писатель в последние годы жизни вынужден был общаться с представителями этих структур, поэтому был внимателен к подобным деталям.

КП «разруха» успешно моделируется во всех переводах, но перевод самого репрезентанта разнится и не всегда передает культурную специфику описываемого явления. Сам концепт реализуется во многом посредством яркой его лексической объективации. Если в переводе не передать репрезентант адекватно, то и сам концепт может не попасть в зону активного читательского внимания и осмысления.

Перевод А. Бромфилдом «разрухи» как «экономического упадка» (“economic collapse”) является неоправданным сужением семантики слова. И хотя переводчик сохраняет авторскую образность (в английском нет категории рода, тем не менее “economic collapse” – «старуха с клюкой» – описывается местоимением “she”) и однородность при переводе репрезентанта, не давая читательскому вниманию рассеяться, он все же отсекает значительную часть смыслов (бытовая неустроенность, преступность, необразованность и т. п.). Кроме того, коллокация “economic collapse”, принадлежащая официально-деловому дискурсу, отличается от стилистически сниженного слова «разруха», что влечет появление в речи образованнейшего Филиппа Филипповича фраз вроде «экономический упадок настанет в уборной» (“economic collapse will invade the lavatory”). Другие способы объективации концепта «разруха» – это описательные конструкции со словом “ruin” и слово с определенным артиклем “the Disruption”. Применение для перевода слова “Disruption” является, с точки зрения концептного подхода к тексту, более удачным [22].

Адекватная передача КП «творец» требует особого внимания переводчика к библейским аллюзиям и реминисценциям в повести [16, с. 13–15]; [17, с. 630–642]; [12, с. 15–17]. Поскольку в творчестве М. А. Булгакова существует множество пересечений с библейскими текстами, переводчик должен ориентироваться на подобные в ПЯ и передавать «христианский текст» с учетом языковой традиции принимающей ИТ культуры. Так, например, кульминационный момент в движении образа профессора, когда он возносится Борменталем до Бога в истории болезни Шарикова («Профессор Преображенский, вы –

творец!! (клякса)») вызывает у читателя ассоциацию именно с Богом-Творцом, поскольку в культурной памяти русского крещеного человека находится главная молитва христианина – «Символ Веры»: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, **Творца** Небу и земли видимым же всем и невидимым...».

Слово «творец», таким образом, в русской культуре имеет семы «Бог», «человек, наделенный творческим даром от Бога». Отметим, что в английском языке “The Symbol of Faith” начинается словами: “I believe in one God, the Father Almighty, **Maker** of heaven and earth, and of all things visible and invisible...”

Переводчики «Собачьего сердца» единодушно выбирают лексику “creator” для передачи слова «творец». В библейских англоязычных текстах Бог именуется именно так. В третьей утренней молитве Св. Макария Великого «Ты бо еси мой Сотворитель» переводится как “For Thou art my Creator”; в других утренних и вечерних молитвах слово «Творче» переводится также “Creator”. Лексикографический анализ слов “creator”, “maker” обнаруживает схожесть семантики по семе «Бог», но глаголы, от которых произведены данные существительные, различаются: оба означают творческую деятельность, но в глаголе “create” выделяется принципиальная новизна творения (то есть для дела профессора больше подходит глагол “make”).

Выбор переводчиками лексики “creator” адекватен, но не эквивалентен по коммуникативному эффекту (КЭ). Слово “maker”, известное носителям английского языка в значении «Бог», но не «стертое» частым упоминанием в религиозных текстах, произвело бы больший эффект на читателя. КЭ от лексики “maker” был бы ближе к КЭ оригинала, поскольку текст повести вызывал бы в таком случае ассоциацию с тем же религиозным текстом, что и оригинал (с «Символом Веры»).

Концептный анализ повести позволяет выявить две авторские идеи. Первая состоит в том, что искусственно, посредством террора, в обход естественных законов мироздания (принципиальная невозможность всеобщего равенства) невозможно добиться положительной динамики социально-политического развития страны. Вторая идея – это признание существования Бога и его власти над человеком и земным миром. В таких условиях предназначение человека сводится к «труду праведному», т. е. не противоречащему воле Божией.

Для реализации первой идеи достаточно достижения семантической эквивалентности передачи КП «порядок» – «разруха», которые достаточно четко объективированы в тексте. Для реализации второй – важно сохранение прагматики КП «творец», которая раскрывается отчасти в христианском тексте, встроенном в повесть, а отчасти – в функционировании концепта «человек-творец». Последний объективирован в образе Преображенского, который движется от язычества через синкретизм к христианству (фаустианскому). Для Булгакова оказывается особенно важно, что сначала человек-творец – это «маг, кудесник, чародей, волшебник», затем – «божество, жрец», а в итоге, осознав свое бессилие и власть вышестоящих сил над ним, он становится «упорным человеком», находящимся в вечном поиске и труде. Проследить эту существенную для текста повести трансформацию переводчикам не удалось.

Подводя итог, нужно отметить, что социально-политическая проблематика передана во всех исследованных переводах верно (с некоторыми частными искажениями), тогда как философская и духовно-нравственная проблематика повести значительно искажена или не явлена в переводах – настолько много ошибок допущено переводчиками при передаче КП «творец». Возможно, упущения такого рода произошли вследствие неполного предпереводческого анализа. Перспективна не только доработка комментария повести «Собачье сердце» [18], но и создание перевода повести, основывающегося на ее концептном анализе как наиболее детальном и объективном [19].

Ссылки / Reference

1. Брандес М. П., Поворотов В. И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с.

2. Воскобойник Г. Д. Тожество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестник МГЛУ. Сер. Лингвистика. М., 2004. Вып. 499. 181 с.
3. Степанов Ю. С. Концепт: статья // Словарь русской культуры. М., 1977. С. 40–76.
4. Васильева Т. И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (18), часть 1. Грамота, 2012. С. 51–54.
5. Ефремов В. А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия РГПУ им. А. Г. Герцена. 2009. № 104. С. 96–106.
6. Грузберг Л. А. Концептуальный (концептный) анализ – есть ли он? // Филолог. 2010. № 10. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_177 (дата обращения: 12.08.2018).
7. Мальцева И. Г. Обучение художественному переводу: методика установления адекватности // Педагогическое образование в России. 2012. № 1. С. 1–3.
8. Дондукова Г. П. Линейное отклонение как ядро переводческого комментария // Вестник ИГЛУ. 2013. № 1 (22). С. 250–252.
9. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
10. Янина Е. С. Концепты «порядок» – «разруха» в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» // Филологические чтения: тезисы докл. междунар. конф. (Ярославль, 2017 г.). Ярославль, 2017. С. 334–337.
11. Янина Е. С. Концепт «Творец» в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» // Художественный текст глазами молодых: материалы междунар. научно-практ. конф. Ярославль, 2018. С. 223–227.
12. Хрячкова Л. А. Отбор и использование библеизмов в художественном наследии М. А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 23 с.
13. Руман-Sokolov A. The Heart of a Dog. М.: Raduga, 1990. 60 p.
14. Bromfield A., Meek J. A Dog's Heart. Penguin Books, 2008. 116 p.
15. Glenny M. The Heart of a Dog. NY: Harcourt Brace, 1968. URL: <http://www.masterandmargarita.eu/archieven/tekstenbulgakov/heartdog.pdf> (дата обращения: 12.07.18).
16. Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянских культур, 2001. 424 с.
17. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия: самое полное издание. М.: Яуза: Эксмо, 2016. 823 с.
18. Новикова Ю. В. Переводческий комментарий как один из способов прагматической адаптации повести «Собачье сердце» М. А. Булгакова // Вестник ЧГПУ. 2009. № 5. С. 225–263.
19. Янина Е.С. Концептуальный анализ как средство сохранения переводчиком авторской воли в тексте // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: матер. II междунар. конф., Симферополь, 2018 г. / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 667–671.